

УДК 101.1 : 316.3/4

КАТЕГОРИАЛЬНОЕ ПОЛЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

И. А. Чурсанова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 апреля 2013 г.

Аннотация: *в статье рассматривается категориально-понятийный аппарат исторической науки, взятый в его обусловленности теми философскими подходами, которые задавали исследовательскую парадигму социального познания на различных этапах его становления.*

Ключевые слова: *историческая наука, исторический источник, исторический факт, историческая закономерность.*

Abstract: *in the article is considered the conceptual device of a historical science taken in its conditionality by those philosophical approaches which set research paradigm social knowledge at various stages of its formation.*

Key words: *historical science, historical source, historical fact, historical regularity.*

Историческая наука, как и любая другая, в своих основах должна иметь философски обоснованные гарантии своей понятийной и методологической состоятельности. В настоящее время история проходит этап реорганизации своей структурной и методологической определенности. Вызвано это многими причинами, к которым можно отнести и специфическую роль субъективности в историческом познании, и «лингвистический поворот» в философии конца XX в., и проблематичность определения предметного и категориального полей исторической науки в строгом, теоретически обоснованном и завершенном виде. Именно последний из приведенных нами аспектов подробно анализируется в данной статье, где мы делаем попытку проследить становление основных категорий истории в русле различных философских контекстов. Стоит оговориться, что мы не претендуем на выдвигание собственной историографической линии – наша цель в том, чтобы показать, как плюрализм уже существующих подходов влияет на теоретический статус исторической науки в целом.

Для начала необходимо осветить предметное поле данной науки. Общепринятым на настоящий момент считается положение, что история – это «научное знание о прошлой социальной реальности» [1, с. 97]. Если рассмотреть более конкретно, то в качестве объекта познания исторической науки называется «вся совокупность событий, явлений и процессов, происходивших в обществе на протяжении всей истории человечества» [2, с. 18]. Уже здесь можно судить о сложном и проблематичном характере истории, так как остальные общественные и гуманитарные науки

имеют в качестве своих предметов отдельные аспекты, срезы социальной реальности, а историк, изучая прошлое, которое имеет комплексный характер, синтезирует достижения всех специальных наук, воссоздавая объемную и, по возможности, полную картину минувшего. Многие исследователи приходят к выводу, что единого общепринятого определения предмета исторической науки в строгом смысле слова нет. И это одна из проблем самой исторической науки, поиск решения которой является дополнительным стимулом ее непрекращающегося развития.

Помимо предметного самоопределения для любой науки необходимо построить собственную категориальную сетку, упорядочивающую все многообразие исходного материала. В истории к таким специфическим понятиям можно отнести исторический источник, исторический факт, историческую закономерность. В силу указанной особенности данной науки все перечисленные категории также не имеют раз и навсегда принятого значения, их смысловая нагруженность во многом определяется той или иной философской концепцией, выступающей в качестве парадигмы социального познания на определенном этапе его развития.

Исторический источник является логически первым понятием, к которому следует обратиться. «Источник – свидетельство прошлого, попадающее в сферу внимания исследователя (будь то рукопись, картина, документ, обряд, предмет), которое может быть использовано как основание для какого-либо утверждения о прошлом. <...> На основании информации, полученной в результате аналитической работы с источником, историк создает собственный образ прошлого» [3, с. 32–33]. Историк всегда имеет дело с так называемыми «остатками» или «следами» ушедшей реальности. В последнее время, однако, особо подчеркивается, что источником они становятся, лишь попадая в поле зрения историка, который ищет в них ответы на свои вопросы: «Мастерство историка заключается в методике задавания вопросов источнику и оценке ответов» [4, с. 9]. Разумеется, данная точка зрения установилась не сразу.

В первой половине XIX в. доминировала классическая позитивистская парадигма, в рамках которой объективность процесса и результата научного познания возводилась в абсолют. В свете такого подхода исторический источник выступал в качестве некоего хранилища со сведениями, и все, что требовалось от историка, – это достать их. Позитивизм в данном подходе означал первичность источника по отношению к мышлению историка, который только извлекает из документов и анализирует объективные данные о реальных событиях прошлого. Здесь всегда приводят слова немецкого историка Л. фон Ранке о том, что задача историка – лишь описать всё, «как оно происходило на самом деле», т.е. без каких-либо субъективных оценок и предпочтений.

К концу XIX в. ситуация меняется, появляется понимание сложных взаимосвязей источника с действительностью и историка с источником. Наличие последнего по большому счету является тем, что и делает историю наукой, так как это единственная действительность, с которой она оперирует и благодаря которой выстраивает свои концепции; источник

в то же время единственный гарант истинности и способ проверки исторических суждений.

Одновременно стало ясно, что нельзя исключить ни из процесса познания, ни из его результатов особенностей мышления самого ученого, его творческой активности. Однако чрезмерное усиление этого аспекта проблемы приводит к другой крайности – сведению всего объема истории только к мышлению историка, его сознанию и отрицанию объективного содержания источников. Так, Б. Кроче считал, что исторические источники ничего не значат вне сознания историка, вне духа: «Документ и критика, жизнь и мысль – вот истинные источники истории, иными словами, элементы исторического синтеза, и в качестве таковых они не предшествуют истории или синтезу как резервуар, к которому историк спешит со своим ведром, а заложены внутри истории, внутри синтеза, как ими созданные и их созидающие. История, чьи источники находятся вне ее, – чистейшая химера» [5, с. 16]. Нет источников как внеположенной самой истории реальности, так как нет ничего, кроме духа, самореализующегося в истории, – известная гегелевская формула. Здесь источник – это результат творческой активности историка.

В отечественной историографии в силу долгого периода доминирования марксистской философии сложилось понимание исторического источника как субъективного отражения объективной реальности. Источник – социальное явление, отражающее те общественные отношения, которые функционировали во время его создания. Следовательно, историк не создает источник, как это постулируется у того же Кроче, а извлекает из него информацию. И. Д. Ковальченко предложил информационную концепцию исторического источника. Информация – это отраженное разнообразие явлений, происходящих в действительности. Источник – носитель сведений, которые необходимы историку. Информация может рассматриваться в прагматическом, аксиологическом, семантическом и синтактическом планах. В семантическом плане информация может быть выраженной и скрытой, т. е. той, что извлекалась осознанно, и той, что извлечена и зафиксирована произвольно и поэтому неочевидна, по-другому ее называют структурной. Так, в историческом источнике выраженной информацией будет то, о чем непосредственно рассказывается, а скрытой – то, как это рассказывается. «В итоге источник несет в себе двойную информацию. Источник, с одной стороны, опосредованно, через сознание субъекта отражает объект, а с другой – непосредственно характеризует субъект, прежде всего, отражает его цели и методы восприятия объективной реальности» [6, с. 116]. Прагматический аспект заключается в том, что в момент создания источника его автор всегда преследует собственные цели, фиксируя определенные сведения о реальности, решает какие-то задачи, тем самым и он сам, и источник, им создаваемый, не только несут в себе определенную информацию о реальности, но и сами являются частью этой реальности. А значит, нельзя делить источники на пригодные и не пригодные для изучения, все зависит от позиции и применяемых методов. Аксиологический и

синтаксический аспекты соответственно проявляются в тех ценностных установках, которые отражает источник, и в системе знаков, в которых социальная информация фиксируется. В своей работе «Методы исторического исследования» И. Д. Ковальченко отмечает информационную неисчерпаемость исторических источников, так как анализ выраженного содержания приводит к выявлению скрытого. Главный же вывод делается в том ключе, что, несмотря на то, что исторический источник – это всегда субъективное и селективное отражение, он, однако, несет в себе знание о прошедшей действительности и в самом себе содержит информацию, необходимую исследователю для его критической оценки. Ковальченко был сторонником системного подхода в источниковедении, с помощью которого возможны выявление скрытой информации и установление достоверности выраженной.

Особо стоит отметить взгляд на исторический источник, высказанный основоположником «Школы Анналов» Л. Февром: «История, несомненно, создается на основе письменных документов. Когда они есть. Но она может и должна создаваться и без письменных документов, когда их не существует. Причем при отсутствии привычных цветов историк может собирать свой мед со всего того, что ему позволит его изобретательность. Это могут быть слова и знаки, пейзажи и полотна, конфигурация полей и сорных трав, затмения луны и формы хомутов, геологическая экспертиза камней и химический анализ металла, из которого сделаны шпаги, – одним словом, все то, что, принадлежа человеку, зависит от него, служит ему, выражает его, означает его присутствие, деятельность, вкусы и способы человеческого бытия» [7, с. 22]. Таким образом, в качестве источника можно рассматривать любое историческое свидетельство, в котором отражены культурные смыслы своего времени, и ему совсем не обязательно быть письменным. Толкованию подлежат все аспекты человеческой реальности, тем или иным способом дошедшие до нас, но при этом необходимо раскрыть их значение в двух смысловых контекстах – в их собственном и в том, в котором их открыли в качестве источников, вот почему перед историком всегда стоит проблема понимания системы ценностей прошлого.

Источник находится в сложной взаимосвязи со следующим понятием исторической науки – фактом. Определенная концепция исторического факта, а именно то, как он устанавливается, анализируется и интерпретируется, – это неотъемлемый атрибут работы любого профессионального историка. Но, как и в вопросе об источнике, единого, общепризнанного определения данному понятию пока нет.

И. М. Савельева и А. В. Полетаев отмечают, что «фактами» в науке обычно именуется высказывания о существовании каких-либо элементов реальности, получившие статус «истины»: «В процессе индивидуального научного творчества, формулируя некое высказывание о существовании чего-либо (явления, связи, действия и т.д.), автор высказывания придает ему значение «истины» и называет «фактом». Однако фактом как элементом знания это высказывание становится только

в случае его социального признания в качестве «истинь». Тем самым содержание данного высказывания превращается в элемент реальности для соответствующей социальной группы» [1, с. 253]. В силу известной специфики исторической науки, а именно темпоральной природы ее фактов, проблема, связанная с установлением их гносеологического статуса и определенной интерпретации, до сих пор одна из ключевых в структуре гуманитарного знания.

Начиная рассмотрение данного вопроса, следует упомянуть еще одно понятие, находящееся в тесной взаимосвязи с категорией факта – событие. Под событием понимается нечто произошедшее, свершившееся, имевшее место в прошлом. Тогда как фактом называется утверждение об этом событии, как мы уже отмечали, признанное за истину. Л. П. Репина приводит две условные позиции по интерпретации события: реалистическая и конструктивистская. Согласно первой любое событие прошлого имеет свою структуру и зафиксировано в источниках, из которых исследователь должен извлекать их с наименьшими искажениями. В соответствии же со второй событие не может существовать независимо от исследователя, так как он на базе источников всегда создает определенную интеллектуальную конструкцию и делает умозаключение о прошедшем. Тем самым здесь событие – в большей мере – продукт творческого усилия историка. Можно продемонстрировать воплощение двух этих позиций на примере конкретных концепций исторического знания.

Очевидно, что первый вариант – это классический позитивистский подход. XIX век представлял собой «культ» факта как в естественных, так и в социальных науках. «Первой и основной задачей историка является установление фактов, некогда имевших место. <...> Факты, а не теории должны служить фундаментом исторической науки» [8, с. 180]. Условием, от которого зависит существование исторических событий, является оставленный ими след в виде, например, произведения искусства, документа или иного письменного свидетельства. Соответственно условием существования истории как науки является «наличность исторического материала», что указывает на большую долю случайности в этом процессе, так как все зависит от того, обратило ли на себя внимание какое-либо событие, и если обратило, то дошло ли оно до нас отображенным в источнике. Но из всего множества этого материала не все будет интересоваться историка, а только то, что оказало или оказывает влияние на дальнейший ход истории: «...Причины наблюдаемых нами условий мы и называем историческими событиями» [8, с. 181]. При всем этом, даже признавая неустрашимость субъективного момента – интереса самого историка к определенному явлению современности, причины которого, будучи моментами прошлого, становятся объектами его изучения, – позитивисты ратовали за то, что и процесс познания, и результат носят объективный характер. Факты являлись единственным основанием построения исторического исследования и одновременно его целью, любое обобщение считалось проблематичным в силу своего абстрактного характера.

С возникновением неклассической парадигмы научного знания осознается узость и наивность позитивистских установок XIX в., меняется и дополняется содержание многих категорий, в том числе и категорий исторических. По мнению И. М. Савельевой, современную трактовку факта дал Л. Февр в своей лекции 1933 г. «Суд совести истории и историка»: «Установить факт – значит выработать его. Иными словами – отыскать определенный ответ на определенный вопрос» [7, с. 15]. Историк сам конституирует материалы для своей работы, воссоздает их. Прежде чем приступать к исследованию, он всегда формирует проблему, требующую разрешения, рабочую гипотезу, которую нужно проверить. Никакая научная работа невозможна без предварительной, заранее разработанной теории. Вне определенных теоретических рамок в принципе невозможно никакое исследование: те «факты», которые включены в наше познание, уже рассмотрены определенным образом, а следовательно, существенно концептуализированы. Л. Февр один из первых, кто увидел эту же проблему применительно к историческому познанию.

Открытая таким образом теоретическая обусловленность исторического факта к середине XX в. приняла формы крайнего релятивизма. Стали высказываться взгляды, сводящие факт до произвольной умственной конструкции, существующей лишь в сознании историка. Р. Арон отвергает наличие объективной исторической реальности: «Факты не существуют сами по себе, только через сознание и для сознания» [цит. по: 2, с. 44]. Таким образом, в данном подходе факт произвольно конституируется, а историческое познание носит относительный характер.

С одной стороны, с подобной точкой зрения не согласился такой представитель американской историографии середины XX в., как Э. Карр, отметивший, что «факт – это твердое тело в мякоти интерпретации» [9, р. 54]. Факт просто не может быть дан в чистом виде, он всегда преломляется через сознание историка, всегда выражает его позицию и интерпретацию, но не творится им из ничего. Таким образом, как писал Карр, историк пробирается между Сциллой теории истории как объективной компиляции фактов и примата факта над интерпретацией и Харибдой понимания истории как субъективного продукта мышления историка, который устанавливает факты и управляет ими в ходе интерпретации. С другой стороны, с релятивизацией исторического знания, разумеется, не могли согласиться представители отечественной историографии, стоящие на позициях диалектического материализма, в частности М. А. Барг, разработавший собственную концепцию исторического факта.

Начинать нужно, как считает М. А. Барг, с четкого уяснения терминологии, так как большинство проблем напрямую связано с недифференцированностью различных значений, приписываемых одному и тому же понятию. К категории «исторический факт» прибегают для обозначения явлений, событий и т.п. объективно-исторического процесса (т.е. факта объективной действительности) и сообщения источника (т.е. факта, так или иначе отраженного), и, наконец, сообщения (свидетельства), выдержавшего испытание на аутентичность, воспринятого историком и

ставшего фактом исторической науки. Диалектико-материалистический подход позволяет говорить о том, что в историческом исследовании необходимо отличать факты исторической действительности, факты исторических источников и научно-исторические факты.

Факты исторической действительности объективны, они есть многообразии уже свершившейся человеческой деятельности и поэтому «являются инвариантными, однозначными и неизменными по своей пространственно-временной и сущностной завершенности при всей их содержательно-онтологической неисчерпаемости» [6, с. 130]. Любой исторический факт всегда находится внутри определенного контекста, сложного переплетения связей между его элементами. Эти контексты могут быть многозначны, и поэтому историки иногда трактуют один и тот же факт с некоторыми расхождениями, но его реальное содержание при этом остается объективным.

Факт исторического источника – отражение факта действительности тем или иным автором, его субъективное воспроизведение событий. Применительно к данному виду фактов встают проблемы источниковедения: установление информационного потенциала, объективности содержания, той или иной интерпретации фактов.

Научно-исторический факт – вторичное отражение историком фактов исторической действительности на основе данных источника, т.е. дважды субъективизированное отражение прошлого. Таким образом, это «концептуализованный факт, т.е. факт, высвеченный изнутри исторической теорией» [10, с. 162]. Научно-исторический факт всегда находится в некоторой системе знаний о том или ином отрезке прошлого, в некоторой содержательной целостности, где одно обусловлено другим. По мере развития этого знания, появления новых источников, новых подходов научно-исторический факт все более полно отражает факт действительности, появляется более широкая его интерпретация, которая и наделяет сообщение источника научным статусом. Самое большое, к чему может стремиться исследователь, стоящий на материалистических позициях, заключается в максимальном приближении построенной им концептуальной картины к действительности, при том, что они никогда не совпадут.

В одной из последних отечественных работ по философии и методологии исторической науки, принадлежащей Ф. Н. Блюхеру, представлена еще одна трактовка установления исторического факта, основанная на аналогии между теми операциями, которые свойственны естествознанию, и методами исторической реконструкции.

Автор предполагает, что в истории, по примеру любой естественной науки, может быть создана и создается так называемая приборная ситуация, необходимая для эксперимента и установления факта. Элементами этой приборной ситуации выступают объекты с выделенными функциональными свойствами, которые могут быть как искусственно созданными, так и природными. А в истории в качестве таковых он называет источники как «деятельность по оставлению следов своей деятельно-

сти» человеком, ибо человек и всё, что с ним связано, составляют в самом широком смысле предмет исторической науки. Трудность заключается в том, что предмет этот находится в прошлом. Если в естествознании через процесс рациональной обработки данных наблюдения, нахождения в них инвариантного значения, его истолкования и проверки в дальнейших верифицирующих экспериментах происходит установление факта, то в истории такая процедура невозможна: «История лишена роскоши фиксации события в независимой от этого события абсолютной пространственно-временной системе, но означает ли это, что историк может забыть о теоретической реконструкции для объяснения исторических событий? Означает ли это, что само понятие научного факта неприменимо к исторической науке?» [4, с. 29]. Для разрешения этого вопроса автор делает предположение, что при одних и тех же условиях деятельности человеком создается одна и та же внутренняя структурированность источников в их широком понимании, как всего, что несет в себе определенную информацию о прошлом.

Следовательно, для создания приборной ситуации в истории необходимо провести предварительную работу с источниками, подвергнуть их внешней и внутренней критике, что происходит в три этапа. На первом находят трафаретности, повторения событий в прошлом: «Повторяемость керамики говорит нам о единой первобытной культуре, повторяемость языковых структур – о связях и заимствовании видов деятельности у разных народов, повторяемость военных побед – о таланте полководца» [4, с. 30]. И это не противоречит известному тезису неокантианства о единичности и уникальности исторических событий, ибо уникальность проявляется только на фоне типичности и повторяемости, это две взаимосвязанные категории. Мы определяем нечто как уникальное, лишь уже имея установленную типичность, трафаретность, которая когда-то в свое время тоже возникла как уникальность. Нахождение такого возникновения относится к историческому исследованию, так как возникновение нового и его переход в типичное задают внутреннюю размерность истории, фиксируются в источнике как относительно единый исторический отрезок и составляют второй этап в создании приборной ситуации. На третьем же этапе выявляются внутренние связи источников между собой, что дает основания объединить их в единый источниковедческий комплекс, на основании которого мы можем делать заключения о существовании того или иного исторического института (например, полисной системы Древней Греции). Тем самым созданная историком приборная ситуация в силу многочисленных корреляций представленных в ней документов и источников дает основу для объективного исторического исследования: находясь в структуре такого комплекса, историческое событие превращается в исторический факт. При этом разница между первым и вторым заключается в том, что событие требует интерпретации, объяснения или причины, а факт сам выступает как интерпретация, объяснение или причина. Данная модель построения исследования свойственна в первую очередь тем историческим школам, которые вы-

ступают за бессобытийную историю, где основной интерес направлен не на событие как таковое, а на его включенность в определенный контекст, на его согласованность с уже установленными фактами, на институты и их функционирование.

Как видно из приведенного выше анализа, проблема исторического факта относится к одной из основных тем дискуссий по поводу статуса исторической науки. Данная категория – одна из наиболее важных, но в то же время одна из самых спорных в настоящий момент, что, конечно, можно рассматривать как слабую сторону исторического знания, но, с другой стороны, плюрализм различных точек зрения дает почву для дальнейшей конструктивной разработки этого вопроса.

Установление фактов и придание им статуса научно обоснованного знания необходимо в качестве базиса для реконструкции целостной картины прошлого. И здесь возникает еще одна проблема исторического познания, скрывающаяся за понятием закономерности. Обладают ли факты самодовлеющим значением или они служат для подтверждения некоторых тенденций и законов, направляющих исторический процесс? Открывает ли история законы социального развития? Вся сложность ответа на этот вопрос тесно взаимосвязана со спецификой исторической науки. В зависимости от того, на каких позициях стоит историк, он может трактовать свою науку либо как знание о случайных, единичных и неповторимых событиях прошлого, либо как знание законосообразного социального движения. Несомненно, что это один из тех вопросов, задача разрешения которого принадлежит сфере философии. Неокантианство, например, не принимало тезиса о возможности открытия в истории каких-либо общих закономерностей, считая это приоритетом естествознания. История же работает в сфере культуры, в аксиологическом пространстве, где особенности предмета обуславливают метод – рассмотрение единичных и уникальных событий через отнесение к ценностям. Совсем иначе трактуют эту проблему те, кто в качестве основной задачи исторической науки видят установление определенных закономерностей. Такое понимание восходит к просветительской традиции и концепциям исторического развития Г. В. Ф. Гегеля и К. Маркса.

В начале XX в. немецкий историк Э. Мейер, видимо, в ответ на набирающий силы формационный подход к истории, писал: «Ясно, что неоднократно предъявляемое к историкам требование – рассматривать историю как закономерный процесс, представляющий собою непрерывную цепь причин и следствий, направлено против свободной воли и случайности в истории» [8, с. 156]. Однако для любого историка очевидна неустранимость этих особенностей человеческой жизни как в ее настоящем, так и в ее прошедшем модусе – истории. Но существует такая особенность нашего сознания, которая всякое явление стремится рассмотреть как следствие некоторой причины, и это закон рационального мышления: «Если вдуматься в этот вопрос, то оказывается – и в этом весь корень обычного недоразумения, – что противоречие между свободой и причинной зависимостью заключается не в самих явлениях, а лишь в разных

точках зрения, с каких мы смотрим и, по свойствам нашего ума, не можем не смотреть на вещи, как бы мы не противились этому» [8, с. 157]. Но этот закон мышления действует только в отношении того, что уже *произошло, свершилось*, и совсем не так однозначен в отношении того, что еще *совершается*. Другими словами, относительно событий, локализованных временными рамками прошлого, мы в состоянии установить причинно-следственные связи, но в отношении незавершенных процессов это невозможно в строго научном смысле – это будет предсказанием, более или менее вероятным. Жизнь представляет собою сплетение бесчисленного множества причинных рядов, и все события ее можно рассматривать и как случайные, и как необходимые. Дана только возможность, и она переходит в действительность, когда не зависимые друг от друга причинные ряды пересекаются в данной точке пространства в данный момент. Мы сами соединяем совокупность этих рядов в одно целое и объявляем о существовании в мире необходимости, при этом случайность все равно никуда не исчезает, она просто подчиняется нашей схеме, и то, что при анализе единичных явлений выглядит случайностью, при анализе целого выльется в необходимость. Но в действительности же ничего не предзадано: «...Единство и необходимость являются лишь постулатами нашего сознания, тогда как в мире, вопреки им, всегда будет царить случай. <...> Устранение случайности может быть куплено только ценою объяснения случайных явлений сверхопытной, трансцендентной причиной» [8, с. 162]. Об историческом будущем можно только гадать и строить предположения разной степени вероятности, но точного предсказания на основе какого-либо закона сделать невозможно. «Что исторических законов нет, – это не зависит ни от слабости мышления историков, ни от недостатка исторического материала, но коренится исключительно в самой сущности истории» [8, с. 173].

Противоположная точка зрения наиболее ярко представлена в работах историков-марксистов. В уже упоминавшейся работе М. А. Барга «Категории и методы исторической науки» находим: «... Материалистический историзм исходит из признания объективной законосообразности исторического процесса, более того рассматривает законы развития общества как естественноисторические...» [11, с. 174]. Однако необходимо отличать социологические и собственно исторические закономерности. Первые отображают сущность происходящих процессов формально, отвлекаясь от многообразия конкретного содержания. Социологическая теория призвана направлять историческое исследование. Структура же общества со всеми его функциями и стадиями развития является как раз предметом сугубо исторического исследования. Именно оно устанавливает связь между общесоциологическим законом данного явления и его историческим воплощением: «...Вскрытие внутренних качественных связей между составляющими системы и есть путь, ведущий к формированию исторических закономерностей» [11, с. 185]. Отмечается, что, несмотря на то, что исторической закономерности свойствен свой уровень абстракции, он настолько ниже уровня абстракции социологической, что

позволяет уловить исторически дифференцированную картину одной и той же социологической сущности явлений, благодаря чему они выступают в качестве исторических, т.е. не теряют своего конкретного содержания. Но по той же причине объяснительный потенциал исторической закономерности гораздо ниже, чем социологической, ибо она работает на уровне пространственно-временных особенностей того или иного явления, т.е. в границах, неизмеримо более узких по сравнению с закономерностью социологической. Последняя отражает наиболее фундаментальные прямые связи и конечные зависимости, лежащие в основе функционирования и развития общества. Историческая же закономерность представляет собой «принцип движения конкретно-исторических форм социальности, рассматриваемых не обособленно одна от другой, а во взаимосвязи и взаимодействии» [10, с. 190]. Таким образом, исторический закон в данном подходе – это узел различного рода «частноисторических» закономерностей, точка их пересечения, равнодействующая, где выявляются отклонения от проявления социологических законов, несистемные явления в жизни общества. «Историческая наука не позволяет социологии «выпрямить» процесс истории» [6, с. 51].

Таким образом, можно сказать, что, как правильно отметил И. Д. Парфенов, для большинства западных философов такой проблемы, как определение категории исторической закономерности, вообще не существовало, так как они в принципе отрицали ее возможность. Но, с другой стороны, проблема эта встает как перед историками, так и перед философами, так как сама природа человеческого мышления такова, что тяготеет к исчерпывающему объяснению. Как установил Э. Мейер, причинно-следственные связи устанавливаются в том случае, если череда событий имеет относительно завершённый, законченный вид. Тут раскрывается одна из фундаментальных философских проблем истории. Если мы готовы представить историю как процесс, имеющий начало и конец, то в теоретическом плане выявление определенных закономерностей будет логически непротиворечиво. Но если, подобно Мейеру, исходить из позиции практикующего историка, то необходимо отказаться от идеи конца истории и вместе с этим, что куда проблематичнее, от наличия в ней финального смысла, а это значит, что никаких универсальных законов, имманентно ей присущих и направляющих ее, быть не может. История – это максимально широкий контекст, и мы находимся внутри него. Для нас она не завершена и, по сути, бесконечна. Приписывать ей какую-либо внеположенную цель может только та или иная философская концепция, но не историк-профессионал. Однако именно проблема смысла, так волнующая человека, на наш взгляд, не дает утихнуть спорам о наличии или отсутствии законов в истории.

Подводя итоги проведенного нами анализа основных исторических категорий, можно сделать вывод о крайне сложном и незавершенном характере процесса их формирования и установления в качестве общепризнанных форм научного понятийного аппарата. Дискуссионность содержания данных категорий и их применимости в историческом исследовании

довании в том или ином качестве создает определенную напряженность как внутри самой исторической науки, так и в отношении ее к сфере научного познания в целом.

Литература

1. Савельева И. М. Теория исторического знания / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – СПб. : Алетейя ; М. : ГУ ВШЭ, 2008.
2. Парфенов И. Д. Методология исторической науки / И. Д. Парфенов. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2001.
3. Репина Л. П. История исторического знания / Л. П. Репина. – М. : Дрофа, 2004.
4. Блюхер Ф. Н. Философские проблемы исторической науки / Ф. Н. Блюхер. – М. : Институт философии РАН, 2004.
5. Кроче Б. Теория и история историографии / Б. Кроче. – М. : Шк. «Языки рус. культуры», 1998.
6. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М. : Наука, 1987.
7. Февр Л. Бой за историю / Л. Февр. – М. : Наука, 1991.
8. Мейер Э. Труды по теории и методологии исторической науки / Э. Мейер. – М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2003.
9. Carr E. H. What is History? / E. H. Carr. – London, 1961.
10. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории : автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. – М. : Наука, 1980.
11. Барг М. А. Категории и методы исторической науки / М. А. Барг. – М. : Наука, 1984.

Воронежский государственный университет

Чурсанова И. А., кандидат философских наук, преподаватель кафедры истории философии

*E-mail: imbi-chursanova@yandex.ru
Тел.: 8-952-541-77-07*

Voronezh State University

Chursanova I. A., Candidate of Philosophy, Lecturer of the Philosophy History Department

*E-mail: imbi-chursanova@yandex.ru
Tel.: 8-952-541-77-07*